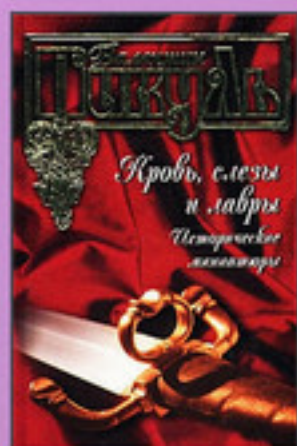

Валентин Пикуль

«Цыц и перецыц»

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

«Цыц и перецыц»

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

«Цыц и перецыц» / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Дело давнее... Сергей Кириллович Станиславский, мелкотравчатый дворянин, обходя лужи, старательно поспешал на службу при канцелярии строений, где он кажинный денечек бумаги разные переписывал, трудами праведными достигнув коллежского регистратора, а на большее и не рассчитывал...»

Валентин Пикуль

«Цыц и перецыц»

Дело давнее... Сергей Кириллович Станиславский, мелкотравчатый дворянин, обходя лужи, старательно поспешал на службу при канцелярии строений, где он кажинный денечек бумаги разные переписывал, трудами праведными достигнув коллежского регистратора, а на большее и не рассчитывал.

На Басманной близ Разгуляя стоял громадный домина, сплошь обитый железом, и чиновник невольно придержал шаги, заметив на его воротах бумагу, обращенную ко вниманию проходящих. Смысл афиши был таков: ежели какой-либо дворянин желает иметь невесту со знатным приданым, то пусть объявится в этом доме, никаких страхов не испытывая, ибо нужда в супружестве возникла неотложная и решительная.

– Чей дом-то этот? – спросил чинуша прохожего.

– Стыдно не знать, сударь, – последовал ответ с укоризною. – Соизволят проживать здесь великий богач Прокофий Акинфиевич Демидов, и вы в этот дом лучше не суйтесь.

Сергей Кириллович стал на афишу показывать:

– А вот, гляньте, тут в женихе надобность приспела.

Прохожий глянул на бумагу с большой опаскою.

– Это для смеху! – пояснил он. – Господин Демидов хлеба не поест, прежде не повредив кому-либо. Ему забавы нужны всякие, чтобы над образованным человеком изгиляться. Явитесь вы к нему, так он вам так всыпет, что своих не узнаете...

Побрел бедный чиновник далее, размышляя: «Оно, может, и так, что всыпет. Но за оскорбление чести дворянской через полицию можно сатисфакции требовать, чтобы деньгами поругание мое оплатил. Маменька-то вчера уж как убивалась, что давно пирогов с изюмом не кушала. Меня же и попрекала, сказывая: эвон, как другие живут, собирая с просителей акциденции, сиречь взятки. А ты, дурак такой, только ушами хлопаешь, нет от тебя никаких удовольствий... Вернусь». С таким-то решением Станиславский вернулся к дому, что внешне напоминал фортецию неприступную, и постучал в ворота. Добрый молодец отворил их и высморкался, спрашивая:

– Зван или незван? Бить аль погодить?

– Я... жених, – сознался чиновник. – Из дворян... по объявлению. Мне бы невесту поглядеть да чтобы мне приданое показали.

– А-а-а. Тады милости просим, входите...

Вошел Станиславский в хоромы и тут даже штаны прохудил от вящего изумления. Вот как миллионщики-то живут, не чета нам! Тихо играли органы, встроенные в стены палат, посреди столов струились винные фонтаны, прыгали ручные обезьяны, порхали под резным потолком невиданные птицы, где-то кричал павлин, а мимо чиновника, до смерти перепугав его, вдруг пробежал не то зверь, не то человек, и, зубы огромные скаля, стебанул его – прямо по загривку.

– Это кто ж такой будет? – спросил чиновник служителя.

– Это, мил человек, будет не человек, а подобие его, научно прозываемое ранкутанком... За большие деньги из Африки вывезли! С утра кормлен, так что не бойся: жрать не станет. Ступай дале. Хозяину доложили – чичас явится...

Станиславский ни жив ни мертв – увидев миллионера Прокофия Акинфиевича Демидова: был он в халате, снизу исподнее, на голове колпак, а босые ноги в шлепанцах домашних (кои тогда, читатель, назывались «шептунами»). Вышел Демидов и спросил:

– Дворянин? По Департаменту Герольдии записан ли?

– Писан, – пискнул чиновник. – Имею счастье состоять в чине регистратора, состоя при бумагах разных, а значение запятых мне известно, за что от начальства похвалы удостоился.

– Ну и дурак... Не все ли равно, где запятая ляжет? Вот точка – это другое дело, от нее многое, брат, зависит. Ты точки-то когда-нибудь ставил ли в бумагах своих?

– Точки у нас директор канцелярии саморучно ставит.

– Ладно. Значит, решил зятем моим стать?

– По афише. Как было объявлено.

– Небось и приданое желаешь иметь?

– Так а кто ж не желает? Не дурак же я!

Демидов подумал и велел встать чиновнику на четвереньки. Потом забрался на него и велел возить по комнате. Очень трудно было Станиславскому, но возил, пока не ослабел, и тогда Демидов сам сел и ему велел сесть. Стал тут миллионер думать думать. В ту пору Демидов пребывал в «дистракции и дизеспере» (как выражались тогда на смеси французского с нижегородским). Дело в том, что хотел он выдать дочек своих за купцов или заводчиков, но лишь одна Анька послушалась, за фабриканта Земского выйдя, остальные же дщерицы заартачились: не хотим быть купчихами, а хотим быть дворянками! Сколько уж прутьев измочалил Прокофий Акинфиевич, сколько дурех этих по полу ни таскал за косы – нет, уперлись, подавай им дворянина.

Оттого-то и появилось на воротах дома его объявление...

– Анастасию Первую, – указал он, а жениху объяснил: – У меня их две Настьки: коли Первая не приглянется, так я тебе Вторую явлю... Ты не пугайся: не девки, а змеи подколенные!

Величавой павою выплыла из комнат Анастасия Первая.

– Вот, – сказал ей отец, – жених дворянский, как и хотела!

Тут эта девка чуть не плюнула в Станиславского:

– А на што мне такой завалящий? Ах, папенька, не могли разве пригоженького залучить? Да и чин-то у него каков? Мне бы, папенька, гусара какого или советника статского, чтобы у дел важных был или чтобы с саблей ходил.

– Цыц и перецыц! – гаркнул Демидов. – Не ты ли от звания купеческого отвертывалась? Не ты ли кричала, что лучше за первого попавшегося дворянина желаешь... Так вот тебе – первый попавшийся. А коли будешь рыпаться, так я не погляжу, что жених тут: разложу на лавке да взгрею волей родителя...

Это не анекдот! Вот так и стал нищий коллежский регистратор владельцем колоссального состояния, заимел богатейшую усадьбу, а маменька его пироги с изюмом уже отвергала:

– От них рыгается! Ныне-то, люди умные сказывали, есть пироги такие, в кои целый нанас запикивают, и прозываются они парижским «тиликатесом». Вот такого хочу – с нанасом!

...Было начало царствования Екатерины Великой.

Москва тех времен, еще «допожарная», была обстроена дворцами знати, в которых едва помещались оранжереи, библиотеки, картинные галереи, бронза и мрамор. Иностранцы, посетив тогдашнюю Москву, писали, что им казалось, будто русские обобрали всю Европу, чтобы иметь в каждом доме частный музей. Европейцы не раз попадали впросак от незнания барской жизни: низко кланялись дамам, облаченным в роскошные шубы, а потом выяснялось, что это служанки, а меха у них такие же, как у барынь. Опять-таки непонятно: крепостные иногда становились миллионерами, и даже такой богач, как граф Шереметев, занимал в долг миллионы у своего раба Никифора Сеземова... Вот и разберись в тогдашней московской жизни!

Прокофий Акинфиевич родился в Сибири, в период царствования Петра Великого. Он был внуком Никиты Демидова, что основал в Туле ружейное дело, а на Урале обзавелся заводами и рудниками. Прокофий рано женился на Матрене Пастуховой, но раньше времени загнал молодуху в могилу, чтобы сожительствовав со своей комнатной девкой Татьяной Семеновой,

от которой – не венчан! – тоже имел детишек. Танька-то была статью как гренадер, грудь имела возвышенную, каждую весом в полпуда, а глаза у нее, ей-ей, словно полтинники – сверкали. Бывало, как запоем она «Я милого узнаю по жилету» – так Демидов на колени перед ней падал, крича:

– Ой, убила-а! Совсем убила... Хорони меня, грешного!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.